

А.К. Нефёдкин

ТАКТИКА СЛАВЯН В VI в.
(ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ
РАННЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ)

Несмотря на значительное число работ, касающихся военного дела ранних славян, преимущественно в середине – второй половине прошлого столетия, проблема остается далекой от своего решения. Основная причина этого – недостаток источников, прежде всего – письменных, так как именно они были и остаются главной исследовательской базой для изучения тактики славян, как и любого другого народа. Археологические материалы, хотя и постепенно увеличивающиеся в своем объеме, имеют безусловно важное, но все-таки второстепенное значение. Они способны дать представление о комплексе вооружения славян, позволяют догадываться о некоторых элементах их тактики¹. Но в целом материал этот скуден, в особенности для ранних славян, и может рассматриваться только как вспомогательный при анализе письменных свидетельств. Впрочем, с подобным состоянием источниковистики историки имеют дело при изучении военной истории не только ранних славян, но и любых других древних и раннесредневековых народов.

Поэтому, предпринимая еще одну попытку анализа сохранившихся письменных свидетельств, позволяющих составить сколько-нибудь отчетливое представление об “элементарной” тактике ранних славян (именно в этом заключается основная цель данной статьи), кажется необходимым более широко, чем это обычно делается, использовать историко-сравнительный метод.

Наиболее полная информация о военном деле ранних славян содержится в “Стратегиконе”, автором которого традиционно считается император Маврикий (582–602)². “Стратегикон” – это своего рода воинский устав, состоящий из нескольких разновременных пластов: к старой информации постепенно добавлялись новые сведения. П.В. Шувалов выделяет три основных слоя в трактате: 1) рубеж V–VI вв.; 2) середина VI в.; 3) рубеж VI–VII вв. Данные о славянах, по его мнению, относятся ко второму пласту, а точнее – к 530-м годам³. “Стратеги-

¹ Новейшую сводку археологического материала см.: *Kazanski M. L'armement slave du haut Moyen-Âge (Ve-VIIe siècles): A propos des chefs militaires et des guerriers professionnels chez les anciens Slaves // Přehled výzkumů. 1999. 39. S. 197–236.*

² Подробнее об авторстве см.: *Удальцова З.В. Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия // СВ. 1969. Вып. 32. С. 61–76; Кучма В.В. “Стратегикос” Онасандра и “Стратегикон Маврикия”: опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. Т. 43. С. 44–49; Он же. “Стратегикон” Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин. М., 1994. С. 364–367. (Далее: Свод...); *Шувалов П.В. Северные варвары в “Стратегиконе” Псевдо-Маврикия // Жебелевские чтения-II. Тезисы докладов научной конференции 26–27 октября 1999 г. СПб., 1999. С. 64.**

³ *Шувалов П.В. К вопросу о влиянии аваров на позднеантичное военное дело // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1999 (Археологические изыскания. Вып. 61). С. 48–49; Он же. Северные варвары... С. 67–68.*

кон” является первым произведением европейской военной литературы, где специально описаны враги и способы борьбы с ними⁴.

Маврикий описывает в основном стратегию и “большую” тактику славян, которая позволяет сделать некоторые выводы и об их “элементарной” тактике⁵. Естественно, тактика в значительной мере зависит от комплекса вооружения. Говоря о вооружении славян, Маврикий пишет: Каждый мужчина вооружен двумя небольшими копьями (мы предпочитаем – дротиками. – А.Н.), а некоторые из них и щитами, крепкими, но труднопереносимыми. Пользуются они также деревянными луками и небольшими стрелами, намазанными отравляющим веществом...⁶. Вслед за Маврикием вооружение славян описывает император Лев VI Мудрый (886–912): “Каждый мужчина некогда вооружался двумя небольшими дротиками, то есть риктариями, а некоторые – и большими вытянутыми щитами, как фиреосы; пользовались они также деревянными луками, а стрелы имели намазанными ядом...”⁸. Другое описание комплекса славянского оружия оставил знаменитый историк середины VI в. Прокопий Кесарийский: “Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и дротики в руках, панциря же никогда на себя не надевают”⁹.

Таким образом, славянское войско состояло из пехоты; воины-всадники были немногочисленны и являлись скорее всего пехотинцами, ездоками верхом. Большинство славянских воинов в VI в. было вооружено дротиками и щитами¹⁰. Дротики (ἀρόντια) – древковое оружие дальнего боя, не предназначенное для рукопашной схватки. В “Стратегиконе” “склавинские ланкидии” (λαγκίδια Σκλαβίνωσια)¹¹ выступают альтернативой метательному копью βηρόντια (в первоначальном латинском звучании – *verutum*, которое, согласно Вегецию, имело в длину примерно 1,2 м¹²). Лев именует славянские копья риктариями. Данный

⁴ Жанр подобных этнографических описаний уже был известен в мировой литературе: в китайской традиции подобное описание войск из различных географических регионов содержится в трактате “У-цзы” (II, 1), созданном в первом половине IV в. до н.э.

⁵ *Mauricius. Arta militaria / Ediție critica, traducere și introduce de N. Mihaescu (Scriptores Byzantini VI)*. Bucuresti, 1970. XI. 4. (Далее: Mauric.). О достоверности описания славян в “Стратегиконе” см.: *Брайчевский М.Р.* Об “актах” Псевдомаврикия // СЭ. 1953. № 2. С. 21 (ср. С. 24–25); *Zástěrová B.* Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice (Rozpravy Československé Akademie Věd. Rada společenských věd. Ročník 81. Sešť 3). Praha, 1971. P. 70–72, 82; *Кучма В.В.* Славяне как вероятный противник Византийской империи по данным двух военных трактатов // Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник / Отв. ред. М.М. Фрейденберг. М., 1978. С. 5, 11; *Dagron G.* “Ceux d’en face”. Les peuples étrangers dans les traités militaires byzantins // ТМ. 1987. 10. P. 209.

⁶ Mauric. XI. 4, 11 (*Кучма В.В.* “Стратегикон” Маврикия // Свод... I. С. 371). Ἀρόντιον – метательное оружие (ср. текст ниже и примеч. 9 и 13); имеются в виду скорее дротики, чем копья.

⁷ *Zástěrová B.* Les Avars... P. 57–58; *Кучма В.В.* Славяне... С. 13–24.

⁸ *Leonis imperatoris tactica* // PG. T. 107. 1863. XVIII, 107. (Далее: Leo. Tact.).

⁹ *Procop.* Bel. Goth. III. 14, 25; пер. Л.А. Гиндина и В.Л. Цымбургского (*Иванов С.А., Гиндин Л.А., Цымбургский В.Л.* Прокопий Кесарийский // Свод... I. С. 185).

¹⁰ Согласно археологическим материалам VI–VIII вв., славяне кроме копий имели топоры, лук и стрелы, трофейные мечи, а из защитного вооружения – кольчуги, найдена и чешуйка от панциря (*Kazanski M.* L’armement slave... P. 200, 204).

¹¹ Mauric. XII. 8, 5.

¹² *Veget.* II. 15. При описании копий славян я опираюсь на разработки П.В. Шувалова (*Шувалов П.В.* Военное дело ранних славян (VI век) // *Нефёдкин А.К., Никоноров В.П., Шувалов П.В.* Военное дело народов Юго-Восточной Европы в I–VI вв. (по материалам античных источников). СПб., 2000. С. 148–153 (рукопись)), за возможность ознакомления с которыми выражаю автору искреннюю благодарность.

термин является у него синонимом дротиков¹³. Так, описывая вооружение византийской легкой пехоты, Лев замечает: “Виритты (βιρίττας), которые называются риктариями”, т.е. он соотносит данное оружие с упомянутым выше *verutum*¹⁴.

О том, что славянские воины имели по два дротика, сообщает и епископ VI в. Иоанн Эфесский: ранее (т.е. до 580-х годов), пишет он, у славян не было никакого оружия, “кроме двух или трех лонхидиев, а именно это – метательные копьа”¹⁵. При господстве метательного боя дротики были эффективным оружием, даже без другого наступательного оружия у воинов¹⁶. К примеру, в битве при Орхомене (86 г. до н.э.) лучники понтийцев, теснимые римлянами, сражались даже пучками стрел, не имея другого оружия для рукопашной¹⁷.

Для дальнего боя использовался и лук. Маврикий не случайно подчеркнул, что он был “деревянным”: на нем не было сложной системы накладок, он не был составным. Поскольку стрелы, согласно “Стратегикону”, были “небольшими” (μικραῖς), то и лук соответственно был небольшим. Хотя и маленький сложный лук мог быть сильным, но указание на стрелы, смазанные ядом, говорит скорее о том, что на отравление противника славяне надеялись в большей степени, чем на силу поражения¹⁸. Обычно стреляли из такого лука прицельно, стараясь попасть в незащищенную часть тела, а не выпускали массу стрел, рассчитывая, что какая-нибудь из них может поразить врага. Лук с отравленными стрелами, судя по стилю преподнесения информации Маврикием, был менее распространен, нежели дротики, и являлся, по-видимому, оружием заимствования. Возможно, прав П.В. Шувалов, полагающий, что лук обычно использовали для обстрела врагов из засад, когда мишень была на виду и было удобно целиться в нее¹⁹.

Основным и практически единственным оборонительным оружием славян был щит. Согласно описанию Маврикия, щиты были прочными и труднопереносимыми (δυσμεταμοίωτα). Последний эпитет и является ключевым при определении размера щита. Он был несомненно большим²⁰. Лев сравнивает щит славян с византийским, который был на вооружении современного ему пехотинца: “меч, копье, а когда польза призовет, щит, вытянутый, большой, отовсюду округлый, который называется θυρεός”²¹. По своей округлой форме этот щит мог несколько отличаться от славянского. В другом месте, рассказывая о вооружении греков эллинистической эпохи, Лев замечает: “щиты они делали большими, закругленными, удлинненными, которые зовутся фиреосами”²². При этом имеется в виду эллинистический вытянутый овальный щит кельтского происхожде-

¹³ См.: ἀρότια: Leo. Tact. VI. 7; δροτία у античной легкой конницы: VI. 33; VI. 36.

¹⁴ Leo. Tact. VI. 26.

¹⁵ *Joh. Ephes. Hist. eccl.* III. 6, 25; пер. Н.И. Серикова (*Сериков Н.И. Иоанн Эфесский // Свод... С. 279*). В одном погребении Княжинского некрополя (Курская обл.) найдено два наконечника копья, что подтверждает наличие у славянского воина пары копий (*Kazanski M. L'armement slave... P. 216. Fig. 1, 3–4*).

¹⁶ Данные о столь скромном вооружении славян Б.Д. Греков считал недостоверными (*Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 315*).

¹⁷ *Plut. Sulla.* 21.6.

¹⁸ *Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 151.*

¹⁹ Там же. Ср.: подобное использование лука с отравленными стрелами франками в 388 г. (*Greg. Tur. Hist. Franc. II. 9*).

²⁰ *Zástěrová B. Les Avars... P. 71.*

²¹ Leo. Tact. VI. 25.

²² Leo. Tact. VI. 34.

ния. Насколько был велик щит у славян, из данных описаний все-таки неясно. Поскольку в первом случае Лев сравнил славянский щит со щитом византийского пехотинца, современного ему, постольку мы можем, хотя бы относительно, судить об их размерах. Обратимся к более позднему свидетельству: император Никифор Фока (963–969) рекомендует своим тяжеловооруженным пехотинцам иметь щиты “не менее шести пядей” (более 1,3 м)²³, тогда как ранее, в середине VI в., “Византийский аноним” советовал тяжеловооруженной пехоте иметь щит с умбоном не менее семи пядей, т.е. более 1,5 м в длину²⁴. Следовательно, речь идет об обычном большом овальном щите позднеримско-византийского типа. Маврикий также скорее всего сопоставляет щит славян со щитом византийского пехотинца, размер которого он, впрочем, не описывает²⁵. Щит же славян, как мы понимаем смысл сделанного Маврикием сопоставления, был еще больше. Вероятно, не случайно Лев заимствовал описание вооружения славян из “Стратегикона”: возможно, их основное оружие изменилось с VI до конца IX в. незначительно, или по крайней мере так полагал автор. Во всяком случае большой щит продолжал существовать у восточных славян еще в X в. Рассказывая о войне Святослава на Дунае, Лев Диакон упоминает щиты русов, которые достигали ступней (971 г.)²⁶. Данное оружие обычно рассматривается как продолговатые длинные щиты, предназначенные для пешей битвы²⁷, хотя у византийцев уже в середине X в. были миндалевидные щиты²⁸, а на миниатюрах мадридской рукописи Скилицы, которая датируется второй половиной XII в., но считается скопированной с более раннего прототипа, русы имеют небольшие миндалевидные щиты²⁹.

Из информации Прокопия сложно сделать какие-либо выводы о форме и размере щита. Автор называет щиты славян *ѡлѣбѣи*. П.В. Шувалов считает, что в данном слове нельзя усматривать указание на “небольшие щиты”, так как Прокопий просто придал аттическому слову *ѡλίβες* окончание среднего рода, характерное для обозначения оружия в византийский период³⁰. Данное слово встречается у Прокопия только здесь – вероятно, он все-таки имел в виду какие-то особенности конструкции щитов у славян. Если под этим термином понимать “небольшие щиты”, то описанные Прокопием славяне, вооруженные такими щитами и дротиками в качестве наступательного оружия, должны были сражаться иначе, чем их соплеменники, описанные Маврикием, и их тактика напоминала образ действия древних фракийских пельтастов³¹. Не являлись ли славя-

²³ Стратегика императора Никифора / Издал Ю.А. Кулаковский. СПб., 1908. Р. 2. II. 3–4.

²⁴ Der Byzantiner Anonymus. Staatswissenschaft der Tat oder Kriegswissenschaft // *Köchly H., Rüstow W. Griechische Kriegsschriftsteller*. Tl. II. Abt. 2. Leipzig, 1855. 16, 1.

²⁵ Mauric. Strat. XII. 8, 4.

²⁶ Leonis Diaconi Caloënsis historiae libri decem / E rec. C.D. Hasii. Bonnae, 1828. VIII, 4; IX, 2. (Далее: Leo Diac. Hist).

²⁷ *Завитневич В.З.* Военное дело у русских славян в эпоху их вступления на историческую арену // Военно-исторический вестник. 1909. № 1–2. С. 21; *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1–36.) С. 34, 37.

²⁸ *Sylloge tacticorum quae olim “Inedita Leonis Tactica” dicebantur* / Ed. A. Dain. P., 1938. 38, 1.

²⁹ *Hoffmeyer A.B.* Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid (Gladius. T. V). Granada, 1966. P. 84–87, 91. Fig. 41, 46–47.

³⁰ *Шувалов П.В.* Военное дело ранних славян... С. 149. Примеч. 9.

³¹ См.: *Фол А.* Тракийско военно изкуство. София, 1969. С. 57–65. По мнению некоторых исследователей, анты, описываемые Маврикием наряду со склавами, были более архаичными и представляли собой северян, которые переселились в Подунавье из лесов и лесостепей левобережья Днестра (*Брайчевский М.Р.* Об “антах” Псевдомаврикия. С. 25–36; *Мавро-*

не с небольшими щитами теми метателями дротиков и агрианами, которые упомянуты в “Чудесах св. Димитрия Солунского”³² Б. Застерова полагает, что данное противоречие в описаниях славянского щита у Прокопия и Маврикия объясняется развитием вооружения за период между временем написания работ этих двух авторов³³. Однако если принять датировку написания данной части “Стратегикона”, предложенную П.В. Шуваловым, то указанного промежутка времени практически не было. Да и вообще резкие изменения в вооружении выглядят хотя и допустимыми, но все же мало вероятными, поскольку даже при наличии государственной власти, проводившей реформы в военной сфере, или при появлении совершенно нового противника, требующего новых способов противодействия ему, упомянутая эволюция вооружения обычно растягивалась на долгие годы. По-видимому, именно из больших щитов славяне соорудили “изгородь”, которой они окружили Фессалонику³⁴. Следовательно, щиты такого размера славяне на Балканах употребляли еще и в 586 г., а восточные славяне и в более позднее время. Поэтому можно полагать, что набор вооружения, описанный Прокопием, следует связать с другими славянскими племенами, нежели с теми, о которых рассказывал Маврикий.

При раскопках древних славянских погребений и поселений не найдены ни умбоны, ни металлические оковки щитов³⁵. Умбоны были характерны для щитов, используемых как в метательном бою (на них принимали летящие снаряды, которые с них соскальзывали³⁶), так и в рукопашном (умбоны подставляли под удары оружия или даже разили ими врага³⁷). Окантовка же щита служила не только для более прочного скрепления структуры щита, но и для противодействия рубящим ударам³⁸. Следовательно, большие щиты славян не предназначались для мобильного использования в бою – они были стационарны. Разумеется, отсутствие доспехов у славянских воинов можно лишь отчасти объяснить наличием у них больших щитов, закрывавших все тело воина. Доспехи не были характерны и для других народов Европы, проживавших в лесной местности (германцев, прибалтов, финнов) – это был определенный уровень военной культуры³⁹.

Таким образом, согласно письменным источникам, основным оружием славян в VI в. были метательные дротики и большие щиты. Обратимся теперь к вопросу о боевом порядке ранних славян. Современные исследователи определяют его то как простую толпу, то как колонну, то как рассыпной строй⁴⁰. С точ-

дин В.В. К вопросу об “антах” Псевдомаврикия // СЭ. 1954. № 2. С. 32–41; ср.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Болгарское военно искусство през феодализма. София, 1958. С. 18, 22. Противоположную точку зрения см.: Корольюк В.Д. “Вместо городов у них болота и леса...” (К вопросу об уровне славянской культуры в V–VI вв.) // ВИ. 1973. № 12. 199. О продвижении славян на Балканы с востока см.: Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 316–318.

³² Иванов О.В. Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод... Т. II. М., 1995. С. 159. Гл. 262. (Далее: *Miracul. Demetr.*).

³³ Zástěrová B. *Les Avares...* P. 71.

³⁴ *Miracul. Demetr.* 123; Zástěrová B. *Les Avares...* P. 71.

³⁵ Козак Д.Н. Про військову справу давних слов'ян // Археологія. 1993. № 3. С. 43; Он же. Военное дело древних славян (Страницы истории Южной Украины. 20). Николаев, 1997. С. 10; Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 151.

³⁶ *Verg. Aen.* II. 545–546.

³⁷ *Tac. Agric.* 36; ср.: *Stat. Theb.* VIII. 398; *Claud. Bel. Gild.* 433–434.

³⁸ *Plut. Camil.* 40; *Polyaen.* VIII. 7, 2.

³⁹ Ср.: Горский А.А. Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. С. 20.

⁴⁰ См.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело на югоизточните славян и първобългарите // Военно-исторически сборник. 1957. № 2. С. 18; Они же. Българското военно искусство... С. 22.

ки зрения автора “Стратегикона”, профессионального военного, славяне и анты не знали боевого порядка⁴¹. Об этом же упоминает и другой военный-профессионал – автор трактата “О военной науке”⁴². Действительно, с точки зрения византийцев, славяне не сражались в каком-то правильном боевом порядке⁴³. Однако все-таки некий порядок в войске славян должен был быть, ведь он появляется у народов на довольно ранней стадии развития. Во время осады Фессалоники в первой четверти VII в., согласно житию св. Димитрия, славяне соблюдали определенный боевой порядок в начале штурма⁴⁴.

Сначала боевой строй складывался стихийно, в зависимости от возрастных различий и особенностей вооружения каждого индивидуума. Когда количество войск позволяло, молодых и энергичных воинов ставили впереди для завязки сражения⁴⁵, основной же бой вели зрелые воины. В резерве (если таковой был предусмотрен) находились опытные бойцы, часто ветераны или отборные части (например, дружина вождя). Характерно, что римское боевое построение республиканской эпохи состояло из трех линий: молодежи-гастатов, мужчин-принципов и ветеранов-триариев⁴⁶.

Славяне имели родовое и племенное ополчения⁴⁷, которые были организованы, возможно, по традиционной для индоевропейцев десятичной системе⁴⁸. В грабительских походах участвовали, судя по всему, добровольцы, прельщенные надеждой на добычу⁴⁹. В опасных военных предприятиях участвовали обычно юноши⁵⁰.

Источники, как упоминалось, не дают прямого ответа на вопрос о боевом порядке и “элементарной” тактике славян. Исследователи предположительно реконструируют боевой порядок следующим образом: при сближении с врагом

⁴¹ Mauric. IX. 3, 1: ἄτακτοι; IX. 4, 12: οὐ δὲ τάξιν γινώσκουσιν.

⁴² Müller K.K. Ein griechisches Fragment über Kriegswesen // Festschrift für Ludwig Urlichs zur Feier seiner Fünfundzwanzigjährigen Wirkens an der Universität Würzburg dargebracht von seinen Schülern. Würzburg, 1880. P. 125, 1. 30: ἄτακτα; ср.: p. 126, ll. 4–7. (Далее: De milit. scient.).

⁴³ Клибанов А. Боевой порядок у древних славян // Исторический журнал. Кн. 1–2 (137–138). 1945. С. 74; Рыбаков Б.А. Русское военное искусство X–XIII веков. Стенограмма лекции, читанной 18 ноября 1944 г. М., 1945. С. 14; Он же. Военное дело (стратегия и тактика) // История и культура Древней Руси. Домонгольский период. I: Материальная культура / Под ред. Н.Н. Ворониной, М.К. Каргера, М.А. Тиханова. М.–Л., 1948. С. 398; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 308; Рыбаков Б.А. Боевые порядки русских войск в XI–XII вв. // Ученые записки Московского областного педагогического института. Т. 27. 1954. Вып. 2. С. 5; Цанкова-Петкова В. Материалната култура и военното изкуство на дакийските славяни според сведенията на “Псевдо-Маврикий” // Известия на Института за българска история. 7. София, 1957. С. 342; Zástěrová B. Les Avars... P. 72; ср.: Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 41, 48.

⁴⁴ Miracul. Demetr. 182: σύνταξις.

⁴⁵ Ср.: Tacit. Germ. 6.

⁴⁶ Polyb. VI. 22–23. Аналогичное римскому построение существовало у папуасов дугумдани (Heider K.G. The Dugum Dani: A Papuan Culture in the Highland of West New Guinea (Viking Fund Publication in Anthropology. N 49). N.Y., 1970. P. 110–111, 281–282).

⁴⁷ Procop. Bel. Goth. III, 14, 4.

⁴⁸ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 312–313; Лапин Н.А. Военное искусство древних славян. Лекция. М., 1949. С. 17; Довженко В.Й. Військова справа в Київській Русі. Київ, 1950. С. 10; Строков А.А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 145; Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно изкуство... С. 13; Зогавич С. Развитие военной организации у славян в VI–VII вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 7.

⁴⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 165.

⁵⁰ Mauric. XI. 4, 39; ср.: Miracul. Demetr. 203; 273.

славяне поднимали крик и переходили на бег; затем, метнув копья, они шли врукопашную⁵¹.

Поскольку общепризнанно, что у разных народов, даже никогда не вступавших в контакт друг с другом, отделенных большими расстояниями и проживавших в различные исторические эпохи, примерно на одинаковых стадиях развития складывались сходные общественные институты и нормы поведения (включая организацию военного дела), то тут уместно обратиться к сравнительно-историческому методу, о котором упоминалось в начале статьи. Разумеется, при этом следует принимать во внимание обычные виды вооружения ранних славян (дротики и большие щиты) и оружие сопоставляемых с ними народов, как и наиболее вероятные формы его применения.

Так, некоторое представление о тактике ранних славян можно составить по аналогии с организацией военного дела у латвийских племен в начале XIII в., которые были вооружены похожим оружием. Соответствующее свидетельство содержится в “Хронике Ливонии” Генриха Латвийского, современника и участника событий первой половины этого столетия. К началу XIII в. данные племена представляли собой остатки древнего языческого населения Европы, для которого была характерна весьма архаичная тактика, вполне сопоставимая с той, которая была свойственна древним германцам на рубеже эр и ранним славянам в середине I тысячелетия н.э.: у них не было конницы, отсутствовали доспехи, а главным оружием были щиты и метательные копья. Автор хроники, на основании своих личных наблюдений⁵², оставил описание вооружения куршей и способ их действия во время нападения на Ригу в июле 1210 г. Курши, неожиданно подплыв к городу, высадились на берегу. В самом начале боя около Двины арбалетчики – защитники Риги – ранили многих из нападавших, так как у них не было доспехов. Курши “выстроили войско на поле и каждый у них нес перед собой деревянный щит, сделанный из двух досок, и дубину, в роде пастушеского посоха, для поддержания щита”⁵³. Автор не пишет при этом, какое наступательное оружие имели нападающие. Однако в другом пассаже, рассказывая о морском бое, он упоминает копья⁵⁴. Учитывая гомогенность вооружения этносов данного региона и нераспространенность лука у местных жителей, можно полагать, что и в бою под Ригой курши были вооружены метательными копьями. Итак, они приближались, выставив перед собой щиты. Перед валом города с ними бились ливы и арбалетчики до третьего часа дня, т.е. бой был длительным, метательным. Затем последовала атака и отступление рижан. Курши отошли к своим судам для обеда, после которого подступили к городу, стараясь его поджечь. Причем, “когда они вышли из-под своих щитов, чтобы носить лес для поджога, очень многие из них пострадали от стрел...”. Битва длилась весь день, пока конные жители замка Гольм не отогнали нападавших, угрожая им мечами. Таким образом, тактика куршей представляется довольно простой: они наступали, прикрывшись щитами, а сближались на подходящее расстояние от врага, сражались, метая дротики из-за своих установленных стационарно щитов. Такой бой длился целый день, и лишь угроза атаки всадников, пришедших на помощь рижанам, заставила куршей ретироваться.

⁵¹ Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 18–19; Они же. Българското военно изкуство... С. 23.

⁵² Аннинский С.А. Введение // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1938. С. 22.

⁵³ Henr. Chron. Liv. III.14,5; переводы С.А. Аннинского.

⁵⁴ Henr. Chron. Liv. III.14,1.

Тактика куршей не была, конечно, уникальной и не имеющей аналогов. Обратимся к совершенно другому региону, к Новой Гвинее, племена внутренней части которой еще в середине XX в. жили в неолите и не имели даже четко оформленной системы вождества, а значит и военных дружин⁵⁵. У чимбу (крупная народность в горной части Папуа-Новой Гвинеи) отряд состоял из щитоносцев, вооруженных копьями и топорами, и лучников. Первую линию в бою составляли щитоносцы; они препятствовали врагу перейти врукопашную и напасть на лучников и одновременно прикрывали последних от вражеских снарядов; вторая линия стрелков была основной поражающей силой, которая стремилась нанести врагу максимальный урон⁵⁶.

У папуасов маринг, живущих на лесистом хребте Бисмарка в центре Папуа-Новой Гвинеи, существовало два вида боя и соответственно две тактики и два набора оружия: огромные, в рост человека деревянные щиты шириной около 75 см, иногда их низ был специально приспособлен для установки на землю; плоские луки, стрелы, колющие копья и топоры с полированными каменными лезвиями. Первый менее ожесточенный вид боя происходил, когда противники становились друг против друга на расстоянии полета стрелы, устанавливали свои щиты, а лучники выскакивали для стрельбы из-за щитов. Такой бой мог продолжаться целые дни, причем убитые или даже серьезно раненные были редки.

Второй сценарий боя был уже настоящим сражением. Щитоносцы, вооруженные копьями и топорами, вставали впереди, за ними становились в несколько нестройных шеренг лучники. Стрелки пускали град стрел, а щитоносцы, прикрываясь щитами, сражались топорами и копьями. Иногда воин со щитом менялся местом с лучником для отдыха. Бойцы могли и вообще уйти отдыхать, утомившись в бою. Когда щитоносец, раненный метательным копьём или стрелой, падал, враг мог произвести небольшую атаку вперед и добить упавшего копьём или топором. Однако и в таком столкновении потери были незначительны и бои тянулись целыми днями⁵⁷.

В целом общие тактические принципы у маринг те же, что и у чимбу. Главное отличие состояло в том, что у папуасов были не дротики, а луки и стрелы. Аналогия же в вооружении и тактике ранних славян и куршей, как кажется, полная. Скорее всего и у славян первую линию составляли воины со щитами, из-за которых воины метали дротики. Если у куршей, судя по описанию Генриха, каждый воин имел щит и дротики, то у славян, исходя из свидетельства Маврикия, не все бойцы имели щит, но тем не менее и они могли сражаться, установив щиты стационарно на землю. Возможно, и у славян уже в VI в. существовала определенная специализация: часть воинов была щитоносцами, а часть просто дротикометалями или стрелками⁵⁸. Возможно, каждый сражался тем, к че-

⁵⁵ Шнирельман В.А. У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. I. М., 1994. С. 147.

⁵⁶ Там же. С. 156.

⁵⁷ Vayda A.P. War in Ecological Perspective: Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies. N.Y.; L., 1976. P. 15, 17–18; Keega J. A History of Warfare. L., 1994. P. 99–101.

⁵⁸ Цанкова-Петкова В. Материалната култура... С. 342; Кучма В.В. "Стратегикон" Маврикия // Свод... Т. I. С. 385. Примеч. 17; ср.: Иванова О.В. Формы политической организации славянского общества в центральной и южной частях Балканского полуострова в VII–VIII вв. // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1987. С. 59; против: Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 155.

му привык. Согласно житию св. Димитрия, славянские войны делились по главному виду оружия: в 670-х годах среди македонских славян, осаждавших Фессалонику, были “лучники, щитоносцы, агриане (= пельтасты. – А.Н.), дротикометатели, пращники, мангарины (обслуга машин. – А.Н.)”, воины с лестницами и огнем⁵⁹.

Обратимся теперь к полевой (“большой”) тактике славян, которую автор “Стратегикона” описывает с прекрасным знанием дела: “Пребывая в состоянии анархии и взаимной вражды, они ни боевого порядка не знают, ни сражаться в правильном бою не стремятся, ни показываться в местах открытых и ровных не желают. Если же и придется им отважиться при случае на сражение, они с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают; если же нет, прекращают крик⁶⁰ и, не стремясь испытать в рукопашной силу своих врагов, убегают в леса, имея там большое преимущество, поскольку умеют сражаться подобающим образом в теснинах”⁶¹.

Итак, для славян было обычным и даже предпочтительным не сражение в открытом поле, а неожиданное нападение из засады и/или в неудобной для противника местности и/или когда он еще не построен⁶². На пересеченной территории византийские войска не могли соблюдать боевой порядок, и, следовательно, общее военное правило (“строй побеждает толпу”) тут не действовало⁶³. Полевая же битва была для славян скорее редкостью, нежели правилом. Однако и она иногда происходила⁶⁴.

Исходя из описания “Стратегикона” и исторических аналогий, битву в открытом поле, в которой славяне были наступающей стороной, можно представить следующим образом. Славяне приближались к врагу колоннообразной массой, которая затем развертывалась в боевой порядок. Впереди вставали щитоносцы⁶⁵, а за ними – дротикометатели. Возможно, как позднее воины Святослава, славяне до боя несли свои большие щиты за спинами⁶⁶, а затем брали их

⁵⁹ Miracul. Demetr. 262.

⁶⁰ Глагол *τρέλομαι* встречается в “Стратегиконе” только в данном пассаже. Перевод В.В. Кучмы слов *τήν αὐτήν τρέλομαι* как “прекращают крик”, на мой взгляд, не удачен: при отступлении, а тем более при бегстве кричат не слабее, чем при атаке (*Кучма В.В. “Стратегикон” Маврикия. С. 371*). С.А. Жебелёв, Х. Михэеску и Э. Гамильшег переводят, как кажется, точнее – “поворачивают туда, откуда пришли” (*Жебелёв С.А. Маврикий (Стратег)*. Известие о славянах V–VI вв. // Исторический архив. Вып. II. 1939. С. 37; *Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э.* // ВДИ. 1941. № 1. С. 254; Mauric. P. 281` *Das Strategikon des Maurikios / Einführung, Edition and Indices von G.T. Dennis. Übersetzung von E. Gamillscheg (Corpus Fontium Historiale Byzantinae. VI). Wien, 1981. S. 275.*

⁶¹ Mauric. XI.4,12.

⁶² Ср.: *Procop. Bel. Goth. III.22, 3; 5; 38, 9–14; Mauric. XI. 4,9; 13; 24–26; 34; 39; ср.: 33; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 110–113.*

⁶³ *Strabo. VII.3, 17; Procop. Bel. Goth. I.28,9; см.: Дельбрюк Г.Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории / Пер. с нем. Т. I. СПб., 1994. С. 52–57; Свечин А.А. Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М.; Л., 1927. С. 27.*

⁶⁴ Болгарские исследователи справедливо полагают, что славяне предпочитали сначала вести бой с византийцами на пересеченной местности, по мере накопления опыта стали вступать в битву и на равнине, причем в первом виде схватки они сражались в рассыпном строю, а во втором – в сплоченном (*Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Българското военно изкуство... С. 22–23*).

⁶⁵ *Латин Н.А. Военное искусство... С. 18.*

⁶⁶ *Leo Diac. Hist. IX.6.*

в руки, в боевое положение. Не ясно, однако, образовывали ли эти щиты сплошную стену. Вероятно, нет, учитывая упоминание анонима о славянах как о воинах, сражающихся “рассеянно”⁶⁷. Щиты, по-видимому, находились на некотором удалении друг от друга, образуя, таким образом, неровный фронт. Они могли располагаться ближе или дальше в зависимости от близости врага – чем ближе неприятель, тем плотнее друг к другу становились воины со щитами. Около щитоносца(цев) группировались дротикометали и немногочисленные лучники, которые скорее всего были родственниками из одной семьи или рода. Они и образовывали элементарную тактическую единицу, которая формировалась как бы естественным путем, без внешнего организующего начала⁶⁸. Отряды более дальних родственников, в силу родовой спайки, также старались находиться вместе, объединяясь под руководством одного предводителя⁶⁹. Возможно, этим объясняется определение анонима способа славян сражаться “смешанно”⁷⁰, видимо, воины разных видов пехотинцев (щитоносцы и дротикометатели) сражались вперемежку. Впрочем, возможен и другой вариант объяснения данного “смешения”: среди пеших были немногочисленные конники, которые скорее всего спешили для боя⁷¹, хотя нельзя исключить и того, что они метали дротики, сидя верхом⁷².

Для врага главной задачей было устоять при наступлении славян и не поддаться панике: приближение вражеского воинства, часто многочисленного, страшного по облику, издающего грозные крики, было трудно вынести психологически, особенно неопытным бойцам⁷³. Фронт щитов славян постепенно приближался к врагу, некоторые воины высказывали вперед, задирая врага,

⁶⁷ De milit. scient. P. 125, 1.30: διεσπαρμένα.

⁶⁸ Как отмечает П.В. Шувалов, согласно археологическим данным, в поселениях славян было по 1–5 домов, мужчины из них и составляли элементарную единицу в отряде (*Шувалов П.В.* Славянское общество дунайского периода (469–604) // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1991. С. 34, 36; ср.: *Горянов Б.Т.* Славянские поселения VI в. и их общественный строй // ВДИ. 1939. № 1. С. 313–314).

⁶⁹ Ср.: *Греков Б.Д.* Иностранцы о славяно-русском войске (VI–XVII вв.) // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 103; *Клибанов А.* Боевой порядок... С. 76; *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. II. С. 37, 42; *Цанкова-Петкова В.* Материалната култура... С. 343; *Иванова О.В.* Формы политической организации... С. 59; *Живковий Т.* О племенном устройству и војној снази подунавских Словена у VI и VII веку // ЗРВИ. 1996. 35. С. 99, 115–116).

⁷⁰ De milit. scient. P. 125, 1.29: συγχεχυμένα.

⁷¹ Ср.: *Theophylactus Simocatta.* Historia / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. VI.1, 2. (Далее: Theoph. Sim).

⁷² Ср.: Theoph. Sim. VII.4,11. А. Клибанов считал, что конница славян могла действовать как самостоятельно, так и во взаимодействии с пехотой, однако источники прямо не говорят о самостоятельной тактической роли конницы (*Клибанов А.* Боевой порядок... С. 81; *Зогович С.* Развитие военной организации... С. 8). Всадниками обычно считаются дружинники предводителя похода, причем они часто спешили для боя (*Атанасов Щ., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б.* Българското военно изскуство... С. 14). Еще в конце XIX в. С.А. Гринёв доказывал существование настоящей конницы у славян и русов во второй половине I тыс., хотя все его аргументы и этнические атрибутации теперь безнадежно устарели (*Гринев С.А.* Была ли конница у древних руссов? Исследование. Киев, 1895. С. 7, 20, 30). Наличие всадников у славян рассматриваемой эпохи подтверждает и археология, в частности находки удила, пряжек от упряжи и шпор (*Kazanski M.* L'armement slave... P. 202–205).

⁷³ О боевом крике славян см.: *Miracl. Demetr.* 110; 112; 119; 185; 262. Описания варварских воинств см.: *Thuc.* IV. 126,3–6: иллирийцы; *Liv.* VI. 13,1–2: вольски; *Liv.* X. 28,3–4; *Front. Strat.* II. 1,8: самниты и галлы; *Procop.* Bel. Vand. II. 11,28: мавры.

демонстрируя свою удаль и, по возможности, нанося урон неприятелю. Скорее всего в основном это были наиболее смелые юноши⁷⁴. Такой тактики могли придерживаться и всадники, пользуясь быстротой своих коней.

Наконец, линия щитов останавливалась в нескольких десятках метров от врага, т.е. на расстоянии, с которого можно было метать дротики. Если противник не дрогнул и не побежал, то начинался бой. Чтобы было удобней попасть во врага дротиком, славянские воины выбегали из-за щитов. Среди них были, конечно, искусные метатели. Так, Агафий упоминает о некоем славянине на византийской службе Сваруне, который во время штурма укрепления метким броском копья положил начало разрушению вражеской “черепахи” (556 г.)⁷⁵. Имея два-три метательных копья, можно было вести длительный, многочасовой дальний бой, используя и свое, и подобранное вражеское оружие. Известно, что славяне в 594 г., обороняясь от византийцев из вагенбурга, пользовались дротиками вплоть до ночи⁷⁶. (Впрочем, это был бой с применением походного укрепления, а не обычная полевая битва.) Дальний бой характерен для народов, главным оружием которых было метательное⁷⁷. В связи с этим представляется неубедительным предположение А. Клибанова, что одно копьё у славян было метательным, а второе – для ближнего боя⁷⁸. Ведь в этом случае копья различались бы по наконечнику и длине, как это было, например, у дугум-дани, имевших одно ударное и пару коротких метательных копий⁷⁹. В источниках о славянском оружии речь идет именно о дротиках, да и в уже упоминавшемся погребении из Княжинского могильника два наконечника копья имеют сходную листовидную форму и близкую длину (20 и 20,5 см)⁸⁰. Следовательно, и использовались они аналогичным образом.

На ход метательного, как и любого другого, боя могли влиять различные обстоятельства. Византийские стратеги это отлично понимали и рекомендовали использовать против славян – метателей дротиков – нападения с флангов, засады⁸¹ и неожиданные атаки⁸². Действительно, поскольку мощные луки византийцев явно стреляли дальше⁸³, то их лучники могли издали с безопасностью для себя на-

⁷⁴ Mauric. XI.4,39.

⁷⁵ Agathiae historiarum libri V // Historici Graeci minores / Ed. L. Dindorfius. Vol. II. Lipsiae, 1871. IV. 20,4.

⁷⁶ Theoph. Sim. VII. 2,2–9.

⁷⁷ Herod. IV. 94,2: геты с тремя метательными копьями; Strabo. III. 3,6: лузитаны со многими дротиками; Tacit. Germ. 6: германцы, вооруженные несколькими дротиками; Amm. XIV. 2,7: исавры с двумя-тремя дротиками; Veget. I. 20: две-три бёбры у готов; Procop. Bel. Goth. IV. 14,8: горцы-долониты с тремя дротиками; Procop. Bel. Vand. II. 11,27: мавры, имевшие по два метательных копья; см. также: Нефёдкин А.К. Вооружение воинов позднего Египта по данным торевтики финикийской работы VIII–VII вв. до н.э. // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. Материалы Международной конференции в Санкт-Петербурге (23–25 ноября 1999 г.) / Отв. ред. В.М. Массон. СПб., 1999. (Археологические изыскания. Вып. 61). С. 86.

⁷⁸ Клибанов А. Боевой порядок... С. 78; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145; Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 12–12; Они же. Българското военно искусство... С. 17; Кучма В.В. Славяне... С. 9; Зогович С. Развитие военной организации... С. 7.

⁷⁹ Wees H. van. The Homeric Way of War // Greece and Rome. 1994. N 1–2. Vol. 41. P. 8.

⁸⁰ М. Казанский отмечает, что в археологическом материале нельзя по форме наконечника отличить метательное копьё славян от ударного, поэтому он предлагает делить их формально – по длине (Kazanski M. L'armement slave... P. 199).

⁸¹ Mauric. XI. 4,15–16; 28; 35.

⁸² Mauric. XI. 4,81; 22–23; 29; 35; 40–41; Leo. Tact. 18, 108.

⁸³ Ср.: Procop. Bel. Pers. I. 1,9–16.

носить урон противнику, тогда как лишь их дротикометатели на равных сражались со славянами⁸⁴. Так как между славянскими предводителями не было четко взаимодействия на поле боя (а обычно только большое войско осмеливалось сражаться с византийской армией на ровной местности), то маневрирование славянских отрядов было затруднено, и одновременное нападение на них с фронта и с флангов, с целью захода в тыл, влекло за собой поражение славян. Таким образом, в принципе, в обычном полевом бою победа оставалась на стороне ромеев, имевших хорошо управляемую армию. Поэтому-то славяне и избегали регулярных полевых битв с армиями империи, боялись их, отступали тут же, убедившись, что враг стоит твердо и намерен сражаться⁸⁵. Отходили славяне, естественно, к местности, где привыкли сражаться – в леса, где византийцы не могли сохранить развернутый строй и сами легко попадали в засаду. Но в бою на пересеченной и/или лесной местности славяне уже не могли эффективно использовать свои большие труднопереносимые щиты. Они укрывались за деревьями, камнями и другими предметами, поражая врага издали или производя внезапные атаки.

Другой сценарий боя имел место, когда славяне видели, что враг психологически неустойчив, испытывает колебания, тогда они бросались в атаку. Это могло происходить, когда славяне находились в нескольких сотнях или десятках шагов от противника и могли определить его психологическое состояние. Согласно инструкции начала XIX в., за 2000 шагов виден блеск оружия врага, отдельные отряды в коннице; за 1500 – можно отличить пехоту от конницы; в 1000 шагах у человека видна голова и тело, в 600 – виден весь человек, в 300–400 – его лицо, а в 100–70 – глаза в виде точек⁸⁶. Естественно, дальность видимости зависела и от погоды, и от рельефа местности. При данном нападении славяне, по-видимому, уже не устанавливали линию щитов в относительной близости от врага, а атаковали, как и шли, племенными отрядами. В ходе атаки их походная колонна или колонны растекались вширь и становились менее глубокими. Во фронте колонны находился предводитель, который должен был поддерживать свой авторитет собственными доблестными деяниями. В этом смысле колонну и можно считать боевым построением славян⁸⁷.

Предположение А. Клибанова об “эффekte пружины” славянского строя, отбрасывающего атаку врага, было развито П.В. Шуваловым, который полагает, что во время атаки славян задние ряды воинов давили на передние и тем самым массой пробивали строй противника⁸⁸. Однако данное предположение трудно разделить. Как уже говорилось, славяне атаковали противника массой тогда, когда он был уже морально сломлен и не пытался активно сопротивляться,

⁸⁴ Ср.: Theoph. Sim. VII. 5,3–5; ср. также с действиями римлян против германцев: Tac. Ann. II. 20; Herod. VI. 7, 8.

⁸⁵ *Procop. Bel. Goth. III. 38,7; 40,3–7*. А. Клибанов считал информацию Маврикия о бегстве славян просто риторикой, призванной воодушевить византийских воинов (Клибанов А. Боевой порядок... С. 75; ср.: Атанасов Ш., Дуйчев И., Ангелов Д., Цанкова-Петкова Г., Христов Д., Чолпанов Б. Военное дело... С. 17; Они же. Българското военно искусство... С. 23; Бобчева Л. Въоръжението на славяни и първобългари (от VII до началото на IX в.) // Военно-исторически сборник. 1957. № 3. С. 43). Однако подобная тактика характерна и для других этносов, стоявших на догосударственной ступени развития (*Procop. Bel. Vand. II. 11,27*; мавры).

⁸⁶ Краткое наставление о солдатском ружье. СПб., 1809. С. 53.

⁸⁷ Подобным боевой порядок славян считают некоторые исследователи (Клибанов А. Боевой порядок... С. 74; Строков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145; Кучма В.В. Славяне... С. 9; Он же. “Стратегикон” Маврикия. С. 389. Примеч. 49). Б.А. Рыбаков признает боевым строем славян клин, который славяне наследовали от скифо-сарматов (sic!) (Рыбаков Б.А. Русское военное искусство... С. 14–15; Он же. Боевые порядки... С. 16).

⁸⁸ Клибанов А. Боевой порядок... С. 74; Шувалов П.В. Военное дело ранних славян... С. 157.

обычно обращаясь в бегство. Мало вероятно допущение, что при атаке колонной задние воины толкали передних, мешая сражаться и себе, и им. Всем было необходимо место для метания дротиков, поэтому колонна, начиная с крайних бойцов, постепенно растекалась шириной по фронту⁸⁹. Плотными отрядами славяне могли атаковать еще не построившегося противника, как это было у реки Иливакия в 594 г.⁹⁰

Итак, ранним славянам, как и многим древним западно- и центральноевропейским этносам (иберам, кельтам, германцам, прибалтам, италикам, грекам), лук был известен, но не был у них широко распространен. То же самое можно сказать и о другом виде метательного оружия – о праще, которая также не была характерна для жителей лесной зоны. Главными видами оружия славян были большие щиты и дротики. Оружие ближнего боя не было распространено, поскольку основным видом сражения была битва на расстоянии с использованием метательных средств, вероятно, обычно без последующего перехода в рукопашную⁹¹. Большой щит хорошо прикрывал от вражеских метательных снарядов и не способствовал применению доспехов. Даже в 626 г. при нападении на Константинополь славяне не имели натальной защиты⁹². В целом тип вооружения славян не был уникальным – он был характерен для некоторых земледельческих этносов, живших в лесных или даже лесостепных областях, у населения которых не было высоко развитого металлопроизводства. Славяне предпочитали сражаться в лесистой или пересеченной местности, а не на открытом поле. Это объяснялось, с одной стороны, их традиционными способами ведения войны в природных условиях, соответствующих их родине (следствием этого у них были неразвиты оружие ближнего боя и доспехи), а с другой – боязнью византийской регулярной армии⁹³. В полевом бою, установив линию из больших щитов, они старались нанести врагу максимальный урон своими дротиками. Возможно, с этим древнеславянским построением генетически был связан строй из “стены щитов” эпохи князя Святослава⁹⁴, когда уменьшилась роль метательного боя и последовало увеличение плотности построения воинов. Тактика славян была выработана в межплеменных столкновениях и давала надежду на успех при одинаковом способе ведения боя обеими сторонами⁹⁵. Однако если противник маневрировал, охватывал фланги и заходил в тыл, то судьба сражения была решена в пользу врага. Поэтому, когда нужно было дать оборонительный бой, славяне выбирали местность, защищенную с флангов и с тыла⁹⁶ (обычно это была возвышенность⁹⁷). Колонной, или массой, славяне атаковали колеблющегося или еще не построившегося врага, опрокидывая его и обращая в бегство. В целом славянскую тактику VI в. можно признать достаточно типичной для многочисленных оседлых лесных народов Европы, стоящих на уровне развития “героического века”, или “военной демократии”.

⁸⁹ О механизме “растекания” атакующих см.: Дельбрюк Г.Г.Л. История военного искусства... Т. II. С. 30–33.

⁹⁰ Theoph. Sim. VII. 5,10.

⁹¹ Contra: Клибанов А. Боевой порядок... С. 78; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. С. 145–146.

⁹² Иванов С.А. Пасхальная хроника // Свод... Т. II. С. 76.

⁹³ Ср.: Амт. XIV. 2,7; исавры.

⁹⁴ Leo Diac. Hist. VIII. 4; 9; IX. 2; 8; *Стен'анос Таронский*. Всеобщая история / Пер. Н. Эмина. М., 1864. С. 128 (III.8); Клибанов А. Боевой порядок... С. 84. Примеч. 2; ср.: Бережинский В.Г. Зброя Київської Русі. Київ, 2000. С. 215.

⁹⁵ Ср.: Mauric. XI. 4, 9; 12; 13; 30.

⁹⁶ Mauric. IX. 4, 29.

⁹⁷ Ср.: Theoph. Sim. VII. 2,3–9.